

ВОЙНЫ КАК ВЕЛИКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Войны завоевательные нередко бывали нравственно разрушительны для победителя; но войны оборонительные всегда и безусловно построят дух народный, сжигают в нем нечистые частицы, объединяют его, уплотняют его - ведут к жертве и героизму. Это всегда суть войны нравственно-воспитательные. Такова была у нас война 12-го года; с таковыми же чертами у нас начинается великая война 14-го года. Последние войны Германии - все завоевательные. Обобрав Данию, Австрию и Францию, - Германия, когда-то бывшая страной Гёте и Шиллера, Шеллинга, Фихте и Гегеля, стала государством "крови и железа", по формуле и по зову Бисмарка, - но без всякого идеального, светоносного содержания.

Уже сейчас Россия неузнаваема. Где этот горький и часто низкий и циничный смех над собою? Где этот тон постоянного отрицания себя и преклонения перед всем чужим и, в сущности, мало знакомым? Как налет пыли, как поверхностная - более некрасивая, чем опасная - болячка, все это сметено очистительной бурей, поднявшейся у краев нашей державы. Как в лучшие времена истории, Россия стоит одна и неразделенная, - потому что на границе встал враг, угрожающий тоже нам "без разделений", угрожающий нам *всем*. Вот смысл и прекрасный слов лифляндского дворянства, и гораздо менее прекрасного заявления "кадетов", которые на это время могли бы спрятать свою громовую "оппозицию правительству" и совершенно промолчать о ней... Но ни скромностью, ни особым умом кадеты никогда не отличались, и оставим это их *testimonium pauperatis* [свидетельство о бедности (лат.)], вечный знак их бедности. Возьмем то, что есть ценного в заявлении: "Россия и все русские должны быть перед врагом *нераздельны*".

Но вот и еще воспитательная и до известной степени *учебная* сторона войны. Эти дни, когда зашевелились могучие части военного тела России, мы осязательно и зрительно ощутили воочию и плечом около плеча, что такое "Государство" и что такое "Отечество". Увы, в мирное время мы слишком чувствуем себя только "членами общества" и мало-помалу вовсе утрачиваем сознание в себе "гражданина", т.е. члена именно колоссальной государственной организации. Теперь, когда в лице "запасных" вдруг мы видим своих товарищей по работе, по гражданской службе, своих сослуживцев по конторе и магазину - "воинами", совсем в другом платье и принявшими другой вид и осанку, - мы вдруг чувствуем "свое Государство", точно поднявшееся во всеоружии из мирных рядов вчерашней "публики". "Население" и "публика" поднялись "вооруженным

народом", и обыватель скрылся в "гражданине", в его строгих и ответственных чертах. Вот этой-то "строгости" и этой-то "ответственности" было мало у нас, - по доброте и снисходительности Государства к нашей обывательщине. Государство в обыкновенное время стоит уже слишком задрапированное, слишком закрытое бытом. Мы его вовсе не чувствуем. Как Гоголь сказал, что у нас от иного города "три года скачи - ни до какого государства не доскачешь", так можно сказать, что у нас "от публики и быта - до Государства и гражданственности сколько хочешь скачи - не доскачешь". Этим отчасти можно объяснить невероятную распущенность русской мысли и русского слова в отношении России, в отношении Государства, в отношении именно "обязанностей гражданина", которые на столько лет точно вымерли а нашей печати. Сейчас все, решительно до одного все, чувствуют и говорят точь-в-точь так, как говорил бывало Ив. Серг. Аксаков в "Руси" перед турецкой войной. Это - совершенно неслыханное чудо, и преобразование вызвано тем, что "враг показался вблизи", - враг опасный, не то что былые турки, о которых мы и заранее знали, что "победим", - и что из мирного населения и обывательских рядов поднялись воины и оружие...

Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, - прямо перед нами многое новое и неожиданное *раскроется*, - и в новую Думу соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди. "Научиться Государству" - нельзя из лекций и из книг, а газеты и вообще печатная "обывательщина", - газеты, беллетристика, театр - только "разучивают Государству", закрывая и затягивая его все бытом и бытом, все житейскими и житейскими "язвительностями". Все это имеет свою цену и хорошую цену; но, однако, все это совершенно закрывает от нас одну великую драгоценность вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. В "быту" мы все, естественно, слишком раздробились и только в войне чувствуем себя "все вместе". Это несравненный опыт. Это то политическое воспитание, которого вовсе не дают нам юридические факультеты которые суть какое-то "книжничество и фарисейство государственности".

Скелет и душа государственности, т.е. ее "твердое" и вместе ее "одушевление", есть действительно воинство на полях битв. Воинство - с его великой готовностью умереть... Что может быть выше, что может быть героичнее, что может быть священнее этой готовности и решимости! *Так* умирали мученики за веру: и вот *так* же умирают воины за Отечество. Отечество вдруг представляется колоссальным складом высших идеальных ценностей, какие вообще носимы народом, - но это-то "носимое", как крест за воротом рубахи, остается вообще от нас и от постороннего скрытым. Но, когда "идут и умирают за *это*", "за Русь", "за веру", за "единокровность", - какое же может быть сомнение, что это все есть *великое сокровище*. Ибо умирают с готовностью и радостью, и значит, всей целой армии, всем вооруженным частицам народа это исчисленное -

"вера", "Русь", "единокровность" - есть воистину драгоценность. И тогда у кого не поколеблется сердце перед тем, как напасть на это сокровище, начать его поносить и ругаться ему? А ведь мы "в мирные годы" только и делаем и делали, что это грубое отношение к родине и всем ее вековым святыням.

Мы живем в чудные дни. То, что представлялось совершенно непобедимым, и то, что казалось совершенно невозможным, побеждается с одной стороны и воскресает - с другой. На наших глазах, в каждой точке родины, точно показывается свеженький, молоденький хлеб, - без старой ржавой "спорыньи" на нем. Поистине - молодой хлеб; поистине - новый хлеб. Что бы ни было, какой бы ни был ход войны, каковы бы испытания ни предстояли нам, мы будем помнить и будем утешены тем, что мы в них - выздоравливаем; что труд страдания будет вознагражден и уже вознаграждается сейчас сторицею.

26 августа